

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

**ТВЕРСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИСТОРИКО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И РЕСТАВРАЦИОННЫЙ ЦЕНТР**

**ТВЕРЬ, ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

ВЫПУСК 12

**ТВЕРЬ
2019**

А.Н. Хохлов

А.Н. Хохлов – автор

**ТВЕРЬ, ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

12

**ТВЕРЬ
2019**

П.А. МИЛЯЕВ, А.Г. ПАНКРАТОВ

НАХОДКИ ФРАГМЕНТОВ ЗАЩИТНОГО СНАРЯЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ТИПОВ КОНЦА XIV – НАЧАЛА XV ВВ. ИЗ ОРДЕНСКИХ ЗАМКОВ ЛАТВИИ

Статья посвящена находкам фрагментов защитного снаряжения древнерусских типов, найденных в замках Альтене, Локстене и Селпилс на территории современной Латвии (детали пластинчатых ламеллярных панцирей и наруча). В замке Альтене найден уникальный для территории Латвии шлем, возможно, восходящий к древнерусским образцам. Все находки датированы второй половиной XIV – первой половиной XV вв. Подобные предметы вооружения могли попадать на берега Даугавы в качестве военных трофеев и храниться в орденских арсеналах или как объекты торговых сделок.

Ключевые слова: Латвия, Ливония, орденские замки, замковые арсеналы, вооружение, пластинчатые доспехи, XIV–XV вв., Восток и Запад.

Изучение средневекового европейского вооружения может предоставить важную информацию о развитии кузнечного дела, ювелирного ремесла, выделить определенные воинские традиции, связанные с использованием тех или иных предметов наступательного оружия, защитного снаряжения и военной одежды. Анализируя данную категорию археологических находок, возможно проследить межэтнические связи и международные контакты в сфере военных изобретений и военного дела. Отдельной важной темой является изучение оборота оружия на территории Древней Руси, а также Центральной и Восточной Европы.

Защитное вооружение древнерусских княжеств XIV–XV вв. исследовалось преимущественно в середине XX в. [22, с.105], в настоящее время эта тематика развивается в отдельных публикациях, а также затрагивается в многочисленных работах, посвященных, в основном, военному делу Золотой Орды. Таким образом, дальнейшее изучение военного дела Руси и сопредельных территорий в эпоху развитого средневековья, безусловно, актуально и необходимо.

Рассматривая имеющиеся в нашем распоряжении данные об устройстве древнерусских доспехов, нельзя не заметить, что основные конструктивные решения, применявшиеся для изготовления пластинчатого защитного снаряжения еще в эпоху раннего средневековья, использовались вплоть до XIV–XV вв. Именно развитие военного дела в средневековый период позволило исследователям в свое время высоко оценить уровень ремесленного производства Древней Руси [36, с.522; 23, с.207], где вооружение и доспехи не только производились, но были, в определенном смысле, унифицированы и стандартизированы [21, с.73]. В результате археологических исследований были выявлены как железообрабатывающие комплексы с полным циклом производства [30, с.33; 16, с.47; 9, с.25–33; 31, с.85], которые, несомненно, участвовали в создании военного снаряжения, так и узкоспециализированные мастерские, создававшие доспешную и оружейную продукцию [24, с.79].

Известны свидетельства об импортном европейском защитном снаряжении, бывшем в ходу на территории Древней Руси, в частности о спорадическом употреблении воинами западноевропейских боевых наголовий, которые, очевидно, скрываются

под наименованиями «шеломы латинские» [35, с.388], «шеломы немецкие». Кроме того, могли использоваться элементы пластинчатых доспехов (*harnisch, pantzer*), которые составляли одну из устоявшихся категорий товаров, неоднократно отмеченных в письменных источниках как запрещенные к вывозу [5, с.75]. Свидетельств употребления защитного снаряжения из состава восточной паноплии значительно больше. Для Руси и пограничных с ней кочевых народностей было характерно использование однотипных боевых наголовий, снабженных дополнительными средствами защиты – наносниками, полумасками, забралами – «личинами», единообразных щитов, общеевропейских видов защиты конечностей [18, с.155–162].

Анализ обратных процессов, свидетельствующих о поступлении русского экспорта защитного снаряжения на территорию Европы, осложнен скудностью письменных источников. Однако, подобные сведения все-таки имеются. Так, широко известны упоминание во французской средневековой поэме «доброй русской кольчуги» [3, с.16], а также свидетельства о закупке «*guschen Armlëdir*» (русских наплечников) в Мариенбургских счетных книгах около 1400 г. [22, с.42].

Среди существующих археологических свидетельств о присутствии в Западной Европе доспеха, связанного из небольших отдельных пластин, в первую очередь необходимо упомянуть ламеллярный панцирь, найденный у Поминального Креста, на месте битвы при г. Висбю на острове Готланд (1361г.) [54, pl.133–145]. Автор раскопок Б. Тордеман предполагал, что доспех данного вида появился на скандинавском Севере благодаря посредничеству Руси [55, s.180–181].

В связи с предположением о снабжении стран Центральной и Западной Европы русским защитным снаряжением интересны свидетельства употребления в тех регионах боевых наголовий восточноевропейских типов. «Шеломы», помимо древнерусских земель имели широкую известность и были распространены на территории княжества Литовского [6, с.90], Польского Королевства (*scholm*), землях Тевтонского ордена (*slomhuben*) [7, с.52]. Большое количество терминов «*storczhelme*», «*spiczgehelme*» встречается в инвентарных книгах орденских арсеналов XIV–XV вв. [7, с.52]. Данные наименования могут быть применимы к высоким боевым наголовьям со «спицевидными» навершиями в виде стержня. Многочисленные изображения подобных видов шлемов встречаются в европейских изобразительных источниках [56, s.128–130, fig.9,11–12, 14,23].

Незначительное количество информации, оказавшейся в поле зрения исследователей, явно не отражает всей картины взаимообмена предметами защитного снаряжения между народами на территории Восточной, Центральной и Западной Европы. Существенную помощь в изучении вышеуказанных процессов могут оказать результаты археологических раскопок. Особенно интересны исследования пограничных с Русью регионов, в которых сталкивалась военная культура Запада и Востока.

Пластинчатая боевая одежда широко бытовала в XII–XV вв. Территорией ее массового использования стали земли Новгорода, Пскова и Смоленска (на более южных территориях выявлена меньшая концентрация находок деталей тяжелых пластинчатых доспехов). Этот факт, по-видимому, может быть объяснен межрегиональными торговыми связями, близостью русского Северо-Запада к тяжеловооруженным противникам, а также высоким уровнем железоделательного производства в указанном регионе. Однако, самым главным фактором являлась сходная с западноевропейской тактика ведения боевых действий, а именно: использование крупных конных соединений применяющих таранный удар копьём, употребление арбалетов, тяжелых мечей с рукоятью «в полторы руки» и колющих клинков [22, с.96,98].

География распространения панцирных пластин от доспехов не противоречит данной точке зрения. Стоит отметить, что помимо находок из Новгорода [28, с.174–182], Пскова [22, с.35], Орешка [19, с.74–76], Торопца [42, с.302], Смоленска [29, с.124], подобные детали были встречены на территории Западной Руси – современной Беларуси: в Минске, Новогрудке, Полоцке и Друцке [33, с.144, мал.5, 6].

Близость к Западной Европе и, особенно к Прибалтике и Ливонскому Ордену, с которым Псков и Новгород имели постоянный военный контакт, по всей видимости, обусловила появление зоны взаимного влияния противоборствующих сторон в сфере военного дела и вооружения. Некоторые исследователи говорят о значительном воздействии западноевропейского военного дела на комплекс вооружения и доспехов Северо-Западной Руси [22, с.95–101; 32, с.654]. Однако в отношении доспехов данное утверждение кажется неверным. При раскопках Новгорода, Орешка и Пскова встречаются иногда пластины от доспехов западноевропейских бригадин, но пока они малочисленны, и говорить об их массовом применении нет никаких оснований [18, с.152, 171].

Вместе с тем о влиянии древнерусского военного дела на комплекс вооружения и защитного снаряжения воинских контингентов Западной Европы и Ливонского Ордена до последнего времени было практически ничего неизвестно.

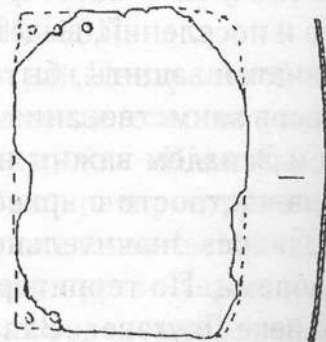
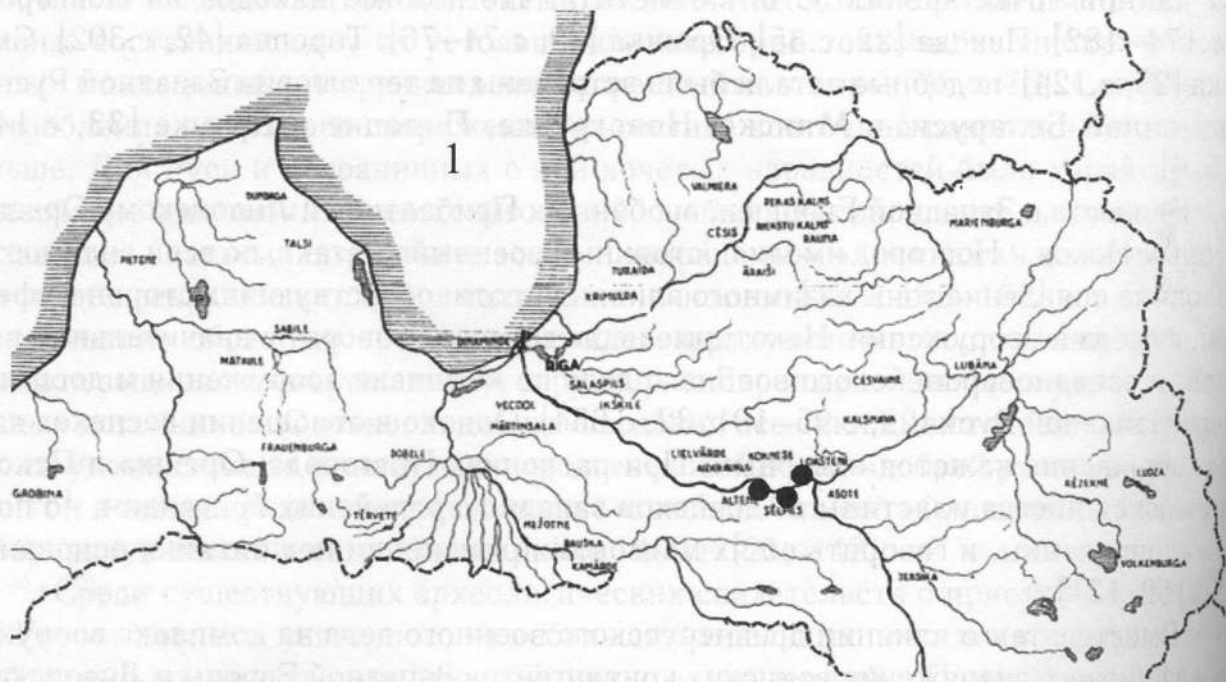
Процесс этот лучше всего проследить, изучив археологические находки из ливонских замков и поселений, выделив пластины доспехов, которые можно связать с типами пластинчатой защиты, бытовавшей в то время на Руси. Особенно для исследования вопросов заимствования и взаимопроникновения в сфере военного дела между Востоком и Западом важны находки, происходящие из «контактного» региона Прибалтики, в частности с археологических памятников современной Латвии. Именно там находилось значительное количество ливонских замков с достаточно сильными гарнизонами. По территории Латвии в средневековье проходил крупный торговый путь по реке Даугаве – Западной Двине из Балтики в Днепр и далее в Черное море, также важен был водный путь по реке Гауя. Большинство крупных замков и поселений Ливонии, где было найдено больше всего фрагментов защитного снаряжения древнерусских типов, располагалось вдоль этих рек.

Всего выделено более двух десятков деталей доспехов, имеющих многочисленные аналогии на территории Руси. Они происходят из трех замков Латвии: Альтене, Локстене и Селпилс (рис.1: 1). Для их атрибуции использовалась типология и хронология А.Ф. Медведева и разработки А.Н. Кирпичникова. Судя по найденным фрагментам, доспехи из отдельных пластин, использовавшиеся в исследуемом регионе, делятся на три основных типа по технологии изготовления:

1. Доспехи ременного скрепления или сшивные (ламеллярные).
2. Доспехи клепано-пришивной системы.
3. Доспехи, при изготовлении которых пластины приклепывались к текстильной или кожаной основе изнутри (бригадинные).

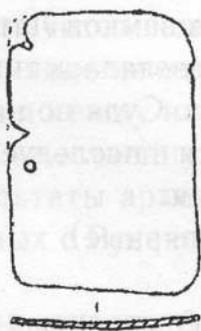
Последние мы не рассматриваем в настоящей работе, так как они весьма очевидно являются продукцией центральноевропейских мастерских или местных немецких мастеров – соотнести такие детали с древнерусскими изделиями пока не представляется возможным.

Пластины с серией отверстий по верхнему краю определены нами как части клепано-пришивных панцирей. На некоторых находках отсутствуют заклепки или отверстия под заклепку, что связано с присутствием утрат, коррозионными процессами и степенью сохранности самих предметов.

2

3

4

5

6

Рис. 1. 1 – археологические памятники с находками пластин доспехов древнерусских типов на территории Латвии. 2 – пластина оторочки тип «Б». Альтене. Латвия. XIV в. [48, att. 24, 9]; 3 – Тверь. XIII–XV в. (с элементами реконструкции) [25, рис. 71, 7]; 4 – Елец. XIV–XV в. [17, рис. 2, 4]; 5 – Вильнюс. Литва. XIV–начало XV в. [47, s.184, Nr.108]; 6 – Альтене, Латвия. Конец XIV– начало XV в. [49, tab. 79, 35].

1. Замок Альтене.

Остатки укрепления расположены на подпрямоугольном мысу на высоком обрывистом берегу реки Даугава. Исследованием памятника занимался Я. Граудонис [48, 1.40–84]; раскопками 1963 и 1964 гг. было выяснено, что данная местность была заселена задолго до строительства средневековых фортификационных сооружений [48, 1.43–44]. Возведение каменных стен датируется второй половиной XIV в., замок упоминается в документах 1408 и 1416 гг., как уже давно существующая крепость, разрушен он был в середине XV в. [48, 1.40–41, 79]. В средневековых слоях памятника найдено большое количество изделий, характеризующих быт жителей крепости: орудия труда, оружие, украшения, поясная гарнитура, изделия из кости и рога, многочисленная керамика, в том числе рейнская [48, 1.75–79]. Как показало дальнейшее изучение находок, в замке жили в основном немцы, местные латгалы составляли небольшую часть населения, что хорошо прослеживается по преобладанию европейского археологического материала.

При раскопках памятника всего было найдено девятнадцать железных пластин доспехов [48, 1.76–77], из них пластин древнерусских типов девять, то есть практически половина всего имеющегося материала.

1. Детали ламеллярных доспехов

Всего найдено шесть пластин [48, 1.67], скрепляющихся с подосновой и друг с другом методом сшивки кожаными ремнями или шнурами из текстиля. Они изготовлены из железа, толщиной около 2 мм, сильно корродированы и разбухли от окислов, так что их настоящая толщина была, очевидно, несколько меньше (1–1,5 мм). Все детали изогнуты, в поперечной плоскости, высота изгиба составляет 5 мм. Вследствие такой формы они пружинили при ударах, что было отмечено еще А.Ф. Медведевым, для пластин одного из панцирей, найденного на территории Новгорода Великого [28, с.178].

Ламеллярные пластины из замка Альтене относятся к трем основным типам:

Тип А. Прямоугольные изделия размерами 78×30 мм и 60×30 мм. Одна длинная сторона каждой из этих пластин плавно скруглена; в верхних и нижних частях располагаются по два отверстия на расстоянии от 4 до 1 мм от края. Диаметр отверстий около 3 мм. Одна из пластин имеет повреждение в центральной части диаметром около 4–5 мм с рваными краями. Детали такой формы найдены в шести экземплярах (рис.2: 1–6). При этом, вероятно, пластины № 4 и № 5 (рис.2: 4–5) являются представителями отдельной группы более узких изделий, ширина которых лежит в пределах 15–18 мм, их высота составляет несколько большую величину – 82–85 мм. Также нельзя исключать, что деталь № 6 (рис.2: 6), совпадая по ширине с пластинами № 1,3,5, является не обломком, а представителем отдельного «невысокого» ряда в доспехе.

Данные находки имеют многочисленные аналогии из Нижнего Замка в Вильно (рис.2: 8, 10), Пскова (рис.2: 9), Гомельской оружейной мастерской (рис.2: 11–13), а также в составе полностью сохранившегося доспеха № 25 из захоронения возле Поминального Креста в г. Висбю (рис.2: 15). Схожий материал демонстрирует археология Минска [15, таб. XI.2] (рис.2: 14). Обычно из подобных пластин набирались ряды, защищавшие корпус воина (рис.6: 5, пластины А; 6: 6). Возможное варьирование ширины пластин, которое мы наблюдаем у образцов № 4 и № 5 (рис.2: 4–5), может быть связано с анатомией тела человека, в некоторых областях ряды доспеха резко изгибались, охватывая боковые части торса. Использование пластин значительной ширины в подобных частях доспеха практически невозможно. Вместе с тем, исходя из ширины данных деталей панцирей, можно выдвинуть еще одну версию атрибуции.

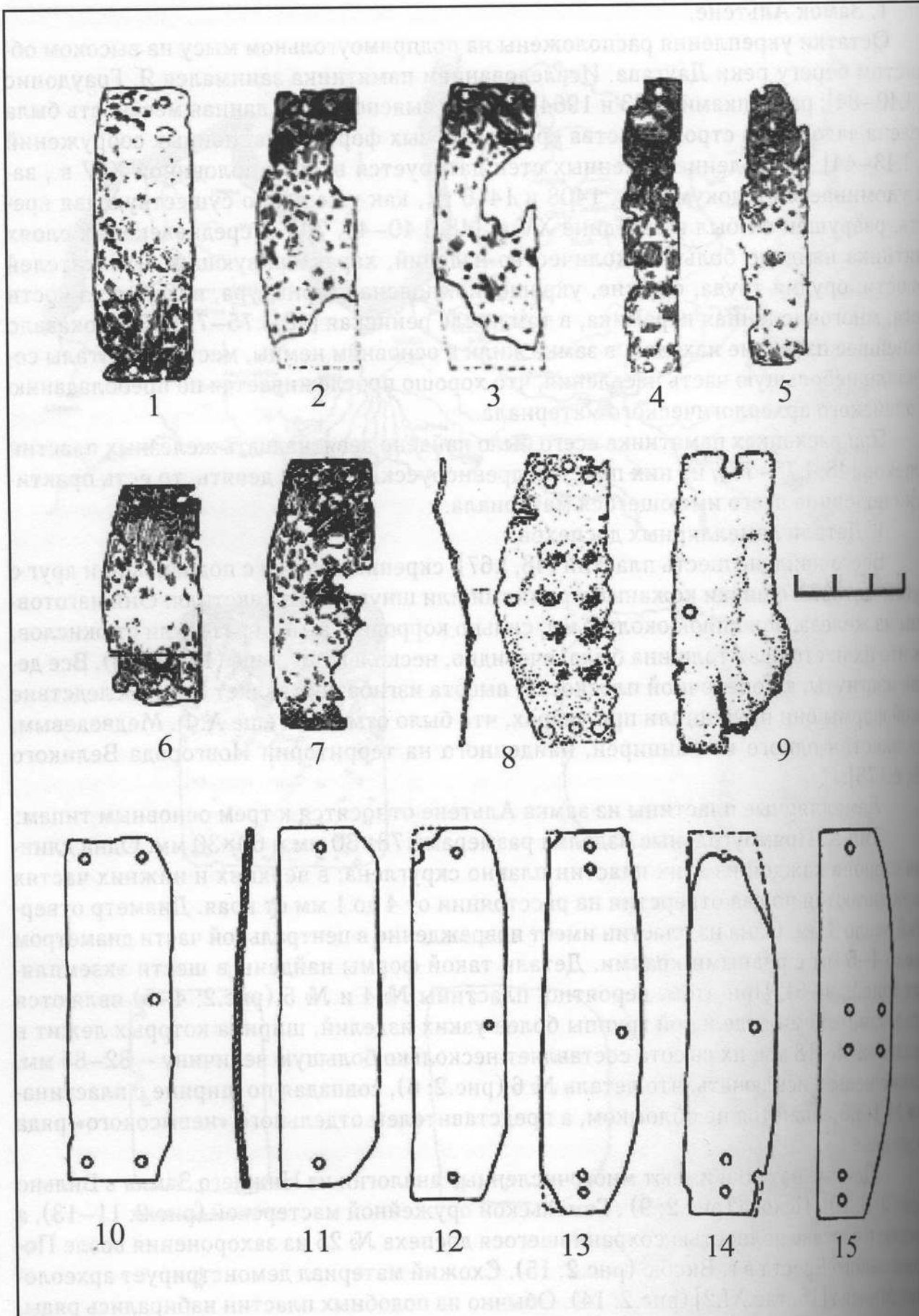

Рис. 2. Пластины ламеллярных панцирей. 1-7. Тип «А». Альтене, Латвия. XIV в. [48, att. 24, 1-7]; 8, 10. Вильнюс. Литва. XIV-XV в. [8, рис. 6; 7d]; 9. Изборск, Жеравья Гора, XIV-XV в. Раскопки Т. Ю. Закуриной и О.В. Степанова; 11-13. Гомель. Беларусь. XIII в. [26, рис. 1, 9, 12, 20]; 14 - Минск. Беларусь. XI в. (?) [15, таб. XI.2]; 15-Висбю. Готланд. 1361 г. [54, pl. 144, 103].

Возможно, из этих пластин был составлен т.н. «нарукавник» или «плечевой щиток» — прикрытие предплечья от плеча до локтя в виде замкнутой подвижной трубки, или полосы. Большой фрагмент подобного защитного приспособления был найден на территории крепости Орешек [19, с.76, рис.5: 2]. Данный элемент является характерной частью восточноевропейских панцирей, связанных из пластин.

Ламеллярный доспех из Висбю твердо датируется в закрытом комплексе 1361 г. К этому же времени, вероятно, следует относить и находки из Альтене, что не противоречит общей датировке культурных напластований на территории замка. При этом вполне обоснованно можно предположить, что ламеллярные пластины вышеперечисленных форм, найденные Я. Граудонисом, являются фрагментами одного доспеха, или нескольких доспехов одного типа.

Тип Б. Одна крупная железная пластина прямоугольной формы является, по-видимому, пластиной «оторочки» доспеха, имеет размеры 82×63 мм (рис.1: 2). Отдельную категорию пластин, относящихся к ламеллярным доспехам, составляют крупные изделия квадратной или около прямоугольной формы с одной скругленной стороной, снабженные по периметру отверстиями для обшивки. Они обыкновенно являлись завершением горизонтального ряда пластин доспеха, также, вероятно, могли являться прикрытием вырезов для рук, располагаясь в передней части панциря, защищая подмышки и спину, а также частично выполняя функцию наплечников, закрывая переход от плечевого «нарукавника» к корпусной части (рис.6: 5, пластины Б). Возможен и другой вариант конструкции доспеха с использованием деталей описанного выше типа. Они могли завершать края рядов, набранных из узких пластин. Таким образом, крупные пластины «оторочки» обеспечивали наибольшую защиту, а узкие на корпусе способствовали лучшей подвижности.

Прямоугольная форма не очень характерна для изделий подобного типа, обычно они имеют закругление значительного радиуса одной из сторон. Однако в настоящее время удалось выделить целую группу деталей подпрямоугольной формы с отсутствием отверстий для обшивки. Пластины данного типа найдены в Твери [25, с.321, рис.71: 7] и Ельце [17, с.32–45, рис.2: 4] (рис.1: 3, 4). Немного большее закругление углов имеют пластины без отверстий по краю из Гомеля [26, табл.1: 3], Новогрудка [33, с.144, рис.5: 19] и селища Ближнее Константиново под Нижним Новгородом [12, с.259, рис.3: 6]. Наиболее близкой аналогией является пластина, найденная при раскопках в Вильнюсе [47, s.184, Nr.108] (рис.1: 5).

Изделия выделенной нами группы, с которой мы соотносим крупную пластину из Альтене, демонстрируют устойчивое единообразие, выражающееся в отсутствии перфорации по краям, подразумевающей наличие обтяжки кожей или пришивки к подоснове доспеха. Способ соединения их с прочими пластинами ряда исключительно «ламеллярный» при помощи ремешков или шнуров, выходящих из общего соединения ряда (рис.6: 1–3). Возможно, в данном случае мы имеем дело с наименее технологичными и (или) архаичными представителями группы оторочек доспеха, при изготовлении которых тратилось наименьшее количество времени. Ю.М. Лупиненко, в классификации чешуй от доспехов из Гомельской оружейной мастерской, рассматривает пластину с группами отверстий, с отсутствием перфорации по краю и обращенную к основному ряду в самостоятельном отделе как определенный тип [26, с.140–154].

Тип В. Пластиной оторочки брони является прямоугольная деталь ламеллярно-сшивного панциря (рис.1: 6). Это изделие размером 62×40 мм снабжено серией отверстий с трех сторон для присоединения к органической основе и шестью чеканными умбоновидными полусферическими выступами, расположенными в два ряда [49, tab.79:

35: 51, tab.XXVI: 43]. Подобные выступы придавали жесткость тонкой железной пластине, изготовленной из малоуглеродистого сырья и препятствовали разрубанию шнуров, связывающих части доспеха. Кроме того, данное изделие было декорировано орнаментом из мелких точек, образующих треугольную фигуру. Узор окружает крайние сферические выступы и вытягивается углом к центральному крайнему умбончику, расположенному ближе к стороне без отверстий. Исходя из размеров изделия, можно предположить, что данная оторочка брони могла сочетаться с упомянутыми выше пластинами «невысокого ряда» основного набора панциря (рис.2: 6).

Кроме фрагментов пластинчатых доспехов в культурных напластованиях замка Альтене найдены многочисленные предметы наступательного вооружения и защитного снаряжения: наконечники арбалетных болтов, пластины западноевропейских бригадин [48, 1.67, 75].

Уникальной для территории Латвии является находка в Альтене позднесредневекового железного куполовидного шлема с полями (рис.4: 2) [48, 1.68]. Подобный шлем, снабженный начальной иконой, показан висящим за плечами святого воина, изображенного на северной стене храма новгородской церкви Спаса-Преображения на Ковалева [11, с.16] в Новгороде, роспись которого относится к 80-м годам XIV в. (рис.4: 1). Данное наголовье, на наш взгляд, геометрически напоминает группу шлемов, обозначенную в классификации А.Н. Кирпичникова как тип IV. Западные европейские шлемы с полями последней четверти XIV в. очевидно имеют несколько другую форму [14, с.29, 49–50, рис.30, 65а, 67].

Известны новые археологические находки, близкие шлему из Альтене, относящиеся к XIV в. [10, с.265, рис.7: 2, 7: 3]. Их количество в настоящее время весьма значительно, особенно в связи с находками из грабительских раскопок на территории Краснодарского края, поэтому мы не будем останавливаться на их особенностях подробно, будучи ограниченными рамками настоящей публикации.

2. Замок Локстене.

Памятник находится на вытянутом мысу подтреугольной формы, при впадении реки Локстене в реку Даугава [50, 1.53–55]. В XII–XIII вв. на мысу существовало городище латгалов, которое было превращено немцами в военный опорный пункт для контроля над окружающей территорией. В XIV в. строятся новые каменные стены, планировка замка имела форму, органично встроенную в ландшафт местности. Укрепление было разрушено в первой половине XV в. В 70-х годах XX в. были выявлены и изучены стены замка и остатки построек на его территории [50, 1.55–57]. К интересующему нас периоду – концу XIV – началу XV вв. относятся 14 построек. Жилые сооружения имели срубную конструкцию, полы из горбыля, глинобитные печи. На территории памятника найдены орудия труда, предметы вооружения, керамика, снаряжение коня и всадника, украшения и монеты [50, 1.73–86]. Изучая материалы раскопок и сравнивая их с находками из окружающих могильников, исследователь замка Э.С. Мугуревич пришел к выводу, что в Локстене жило в основном местное латгальское население [50, 1.135–137].

На территории крепости в слоях конца XIV – начала XV вв. была найдена одна пластина доспеха ламеллярной конструкции тип В [50, tab.XXXIV]. Она представляла собой обломок размерами 36×30 мм (рис.3: 1). Фрагмент пластины имеет значительный изгиб высотой 7 мм. По верхнему краю пробиты три отверстия диаметром 1,5–2 мм, в центральной части находятся две прочеканенные полушаровидные выпуклости, декорированные вокруг серией мелких точек. В целом, изделие по оформлению аналогично находке из замка Альтене, описанной выше (рис.1: 6). Величина изгиба позволяет усомниться в принадлежности данного фрагмента стандарт-

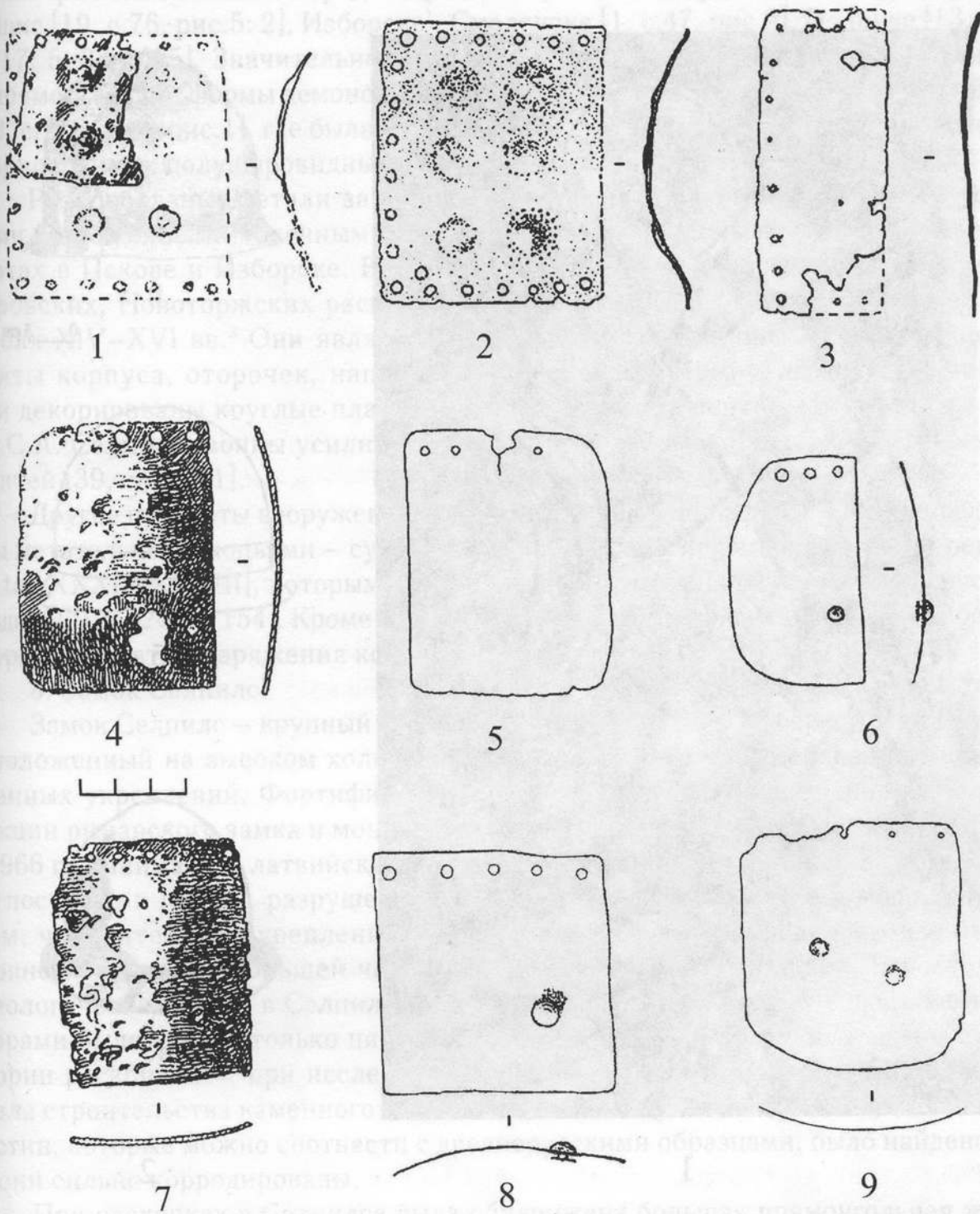
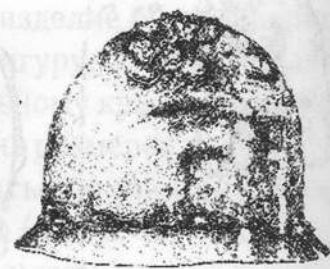

Рис. 3. Пластины ламеллярных панцирей и клепано-пришивных доспехов. 1 – Локстене, Латвия, XIV в. [50, tab. XXXIV, 12]; 2 – Вильнюс, Литва. XIV–XV в. [8, рис. 7f]; 3 – Полоцк, Беларусь. XIII в. Раскопки Д.У. Дука. [34, с. 85, b]; 4 – Селпилс, Латвия, XIV–XV в. [53, att. 76, 7]; 5 – Вильнюс, Литва. XIV–XV в. [7, мал. 11, 5]; 6 – Новгород. XV в. [28, рис. 17, 12]; 7 – Селпилс, Латвия, XIV–XV в. [53, att. 76, 8]; 8 – Новгород. XV в. [28, рис. 17, 9]; 9 – Торжок. XIV–XV в., случайная находка.

ному набору корпусных пластин. Из находок с территории Нижнего Замка в Вильно известна панцирная деталь с аналогичным набором признаков: отверстиями по краю, прочеканенными полушаровидными выпуклостями и значительным изгибом [8, с.118–124, рис.8f]. Учитывая величину изгиба, можно предположить, что подобные пластины могли являться частью бронированной плечевой лямки панциря.

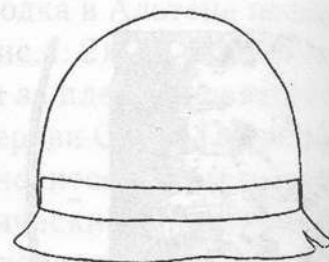

1

а

0 5 cm

б

в

2

Рис. 4. Шлем из замка Альтене и его аналогия. 1 – фреска церкви Спаса Преображения на Ковалево, Новгород. 1380 г. [11, с. 42 рис. 29]; 2 – шлем с полями. Альтене. Латвия. А – состояние после обнаружения, Б – схема сборки шлема [48, att. 25], В – реконструкция [51, tab. XXVI, 50].

Первой и наиболее известной находкой данной группы изделий является открытый А.В. Арциховским на Ярославовом дворе фрагмент доспеха, в котором присутствует схожая прямоугольная пластина, снабженная по периметру частыми отверстиями для обшивки края [28, с.179, рис.18: 1; 29, с.124]. В настоящее время, благодаря дендрохронологическим исследованиям О.А. Тарабардиной, данный комплекс можно отнести к концу XIV–началу XV вв. [41, с.177–179]. В дальнейшем, прямоугольные пластины, являющиеся завершением горизонтальных рядов панцирей,

были встречены во многих городах Древней Руси и на сопредельных территориях: в Орешке [19, с.76, рис.5: 2], Изборске¹, Смоленске [1, с.47, рис.9], Полоцке [13, с.47, мал.17: 5; 34, с.85]. Значительное количество подобных изделий прямоугольной и подпрямоугольной формы демонстрирует материал раскопок Нижнего Замка в Вильно [8, с.118–124, рис.1], где были найдены около трех десятков пластин от доспехов, декорированных полушаровидными прочеканенными выпуклостями (рис.3: 2).

Разнообразные детали защитного снаряжения с полусферическими усилениями, снабженными точечным орнаментом, были найдены при археологических работах в Пскове и Изборске. Всего было обнаружено около десятка пластин на Петровских, Новоторжских раскопах² и в Изборской крепости на Жеравьей горе в слоях XIV–XVI вв.³ Они являлись элементами от различных частей доспехов: защиты корпуса, оторочек, наплечников. Чеканными выпуклыми умбончиками были декорированы круглые пластины с отверстиями в центре, которыми, по мнению С.А. Салмина, воины усиливали кольчугу, привязывая их в районе подмышек и локтей [39, с.40–41].

Другие предметы вооружения, найденные при раскопках в Локстене, представлены метательными копьями – сулицами с листовидным пером и загнутым черешком [50, tab.XXXII–XXXIII], которым есть многочисленные аналогии из древнерусских городов [20, с.22–24, 154]. Кроме того, были обнаружены наконечники копий, боевые топоры, предметы снаряжения коня и всадника.

3. Замок Селпилс.

Замок Селпилс – крупный археологический памятник на берегу реки Даугава, расположенный на высоком холме, в западной части которого сохранились руины каменных укреплений. Фортификационные сооружения одновременно выполняли функции рыцарского замка и монастырской обители. Раскопками памятника с 1963 по 1966 гг. занимались латвийские исследователи Э.Д. Шноре и А.Э. Зариня. Замок был построен в 1373 г., разрушен в 1704 г. [53, 1.5–10]. Характер находок говорит о том, что жителями укрепленного поселения в развитом средневековье были в основном немцы, по большей части немецким был и его гарнизон. В результате археологических работ в Селпилсе было найдено 14 пластин доспехов, из которых авторами было издано только пять [53, 1.73, 75]. Все они были обнаружены на территории раскопа «А», при исследовании пласта 3, который относился ко времени начала строительства каменного замка, то есть к концу XIV в. [53, 1.75]. Доспешных пластин, которые можно соотнести с древнерусскими образцами, было найдено три, все они сильно корродированы.

При раскопках в Селпилсе была обнаружена большая прямоугольная железная пластина от корпусного доспеха клепано-пришивной конструкции. Ее размеры 78×55 мм, у одной из сторон скруглены углы, пластина изогнута по горизонтали, высота изгиба 5 мм. Вверху имеются расположенные с равным промежутком три отверстия диаметром около 2 мм, расстояние между которыми составляет 5 мм (рис.3: 4). Заклепка, удерживающая пластину на текстильной или кожаной подоснове доспеха,

¹ Раскопки Т.Ю. Закуриной. Авторы глубоко признательны Т.Ю. Закуриной и С.В. Степанову за возможность ознакомиться с неопубликованными пластинами панцирей из раскопок в Изборске, на Жеравьей Горе.

² Авторы выражают глубокую благодарность Т.Е. Ершовой, С.А. Салмину, Е.В. Салминой и А.В. Яковлеву за консультации и возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

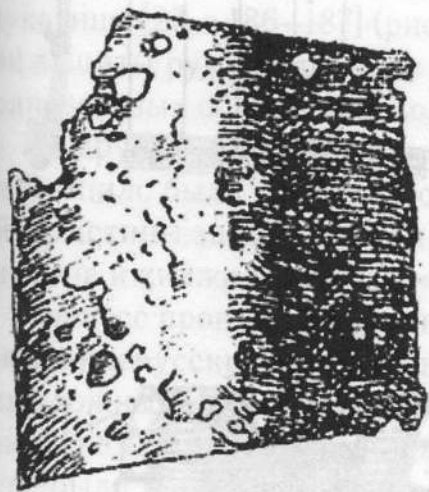
³ Работы в 2009, 2010 и 2011 г. осуществляли Т.Ю. Закурина и С.В. Степанов. Авторы выражают глубокую признательность авторам раскопок за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

не сохранилась. Она могла располагаться в области утраты, имеющейся в нижней части изделия. У одной из длинных сторон детали из Селпилса, с которой присоединялись соседние пластины основного ряда доспеха, имеется небольшое квадратное отверстие. Такие отверстия характерны для технологического приема дополнительного склепывания пластин между собою коваными четырехгранными гвоздиками. Вероятно, это следы ремонта и восстановления поврежденного в бою ряда панцирных пластин. Подобный случай известен по фрагментам доспеха с территории Довмонтава города, открытого Г.П. Гроздиловым в 1961 г. [22, с.35] и по некоторым аналогичным изделиям из фондов Псковского археологического центра. Судя по закругленным углам, данная деталь занимала крайнее положение в горизонтальном ряду панциря и являлась пластиной оторочки. Подобные крупные изделия известны нам по находкам в Вильнюсе [46, раv.3с] (рис.3: 5) и Новгороде (рис.3: 6). Датируется данный вид доспешных пластин не ранее последней четверти XIV–XV вв.

К деталям доспеха клепано-пришивной конструкции относится прямоугольная железная пластина с размерами примерно 68×72 мм изогнутая по вертикали (рис.3: 7). Подобный изгиб не очень характерен для подобных изделий. Заклепка не просматривается, очевидно, пластина была опубликована сразу после обнаружения, и на рисунке видно сильное воздействие окислов на предмет. Вертикальный изгиб известен на некоторых панцирных пластинах из Новгорода (рис.3: 8). Подобным образом изогнута часть деталей от панциря, найденного в ходе несанкционированных поисков боеприпасов времен Великой Отечественной войны под Торжком (рис.3: 9). Практически можно не сомневаться, что деталь из Селпилса являлась фрагментом боковой части корпусного доспеха. Технологии сборки предметов защитного снаряжения из таких деталей были уже неоднократно воссозданы в виде материальных полномасштабных реконструкций, с учетом конструктивных особенностей найденных фрагментов (рис.6: 7).

Особенно интересен обломок железной пластины трапециевидной формы высотой 58 мм и основаниями шириной 70 и 55 мм соответственно, изделие имеет значительный изгиб высотой 8 мм. В верхней части одной из скошенных сторон изделия с равными промежутками в 5 мм пробито пять отверстий диаметром 3 мм (рис.5: 1). Форма пластины оригинальна и на первый взгляд, среди деталей, предназначенных для набора корпусного доспеха, аналогий ей нет. Вместе с тем, очевидно, что нижний скос образован, скорее всего, сломом металла, а правая сторона детали изъедена окислом, таким образом, данная находка представляет собой не целую доспешную пластину, а лишь ее фрагмент. Значительный изгиб и ряд из частых отверстий вдоль одной из сторон предмета позволяет с большой долей вероятности причислить его к остаткам защиты рук. Древнерусские пластинчатые наручи часто снабжались перфорацией по краю, о чем говорят фрагменты данных боевых принадлежностей из Червеня и Гомеля [18, с.178]. Такая особенность не характерна для западноевропейских элементов защиты конечностей.

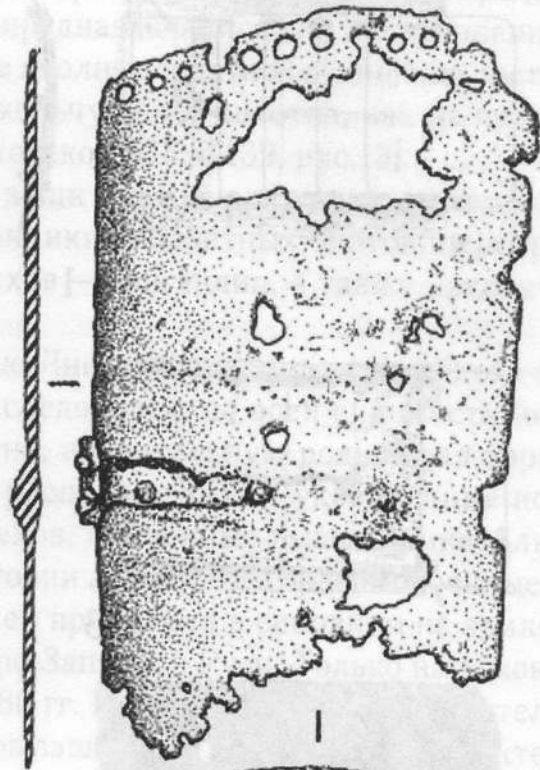
Недавно А.Н. Каменским и Ю.А. Кулешовым была атрибутирована как часть наруча крупная пластина из Неревского раскопа в Новгороде, впервые опубликованная А.Ф. Медведевым [18, с.177] (рис.5: 2). Новгородская деталь очень похожа на фрагмент из Селпилса, абсолютно совпадая с ним по степени изгиба и размерам. На латвийской находке отсутствуют навесные петли, характерные для створчатых прикрытий рук, нет их и на фрагменте наруча из Новгорода [18, с.161]. Вероятно, технология соединения створок не предполагала наличия таких деталей. Недавно при исследовании позднесредневековых русских доспехов была выделена отдельная категория подобных элементов защитного снаряжения, составные части которых соединялись посредством

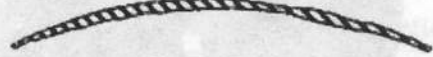
1

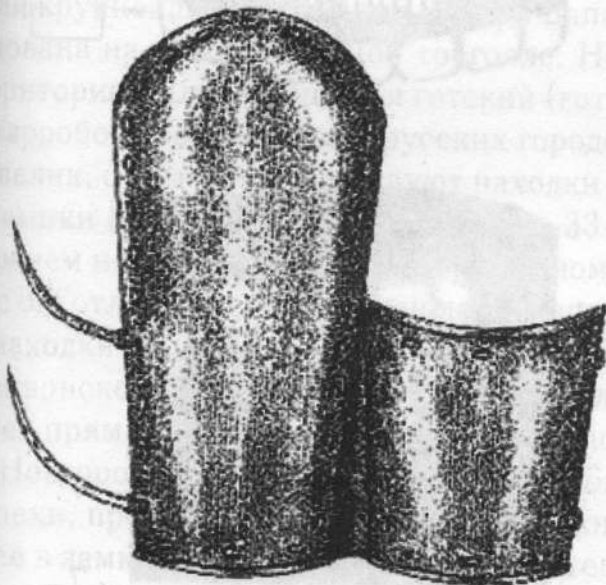
1

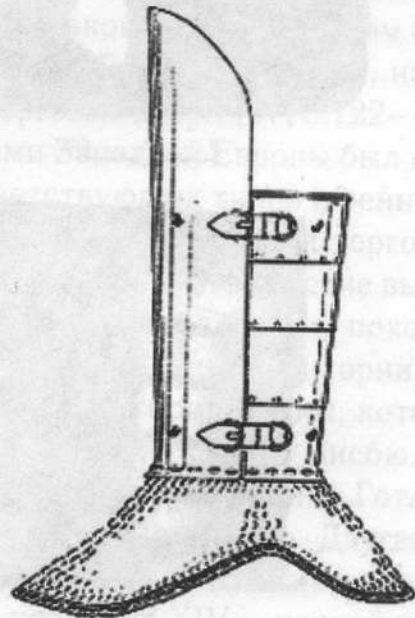
1

2

3

4

Рис. 5. Фрагменты наручей и их аналогии. 1 – Селпис. Латвия. XIV–XV вв. [53, att. 76, 4]; 2 – Новгород. Неревский раскоп. XIII в. [18, рис. 9a]; 3 – наруч, навязанный на кожаную основу без петель. XV–XVI вв. [43, с. 382, 1в]; 4 – наруч из Гомеля. Беларусь. XIII в. [27, рис. 18, 2].

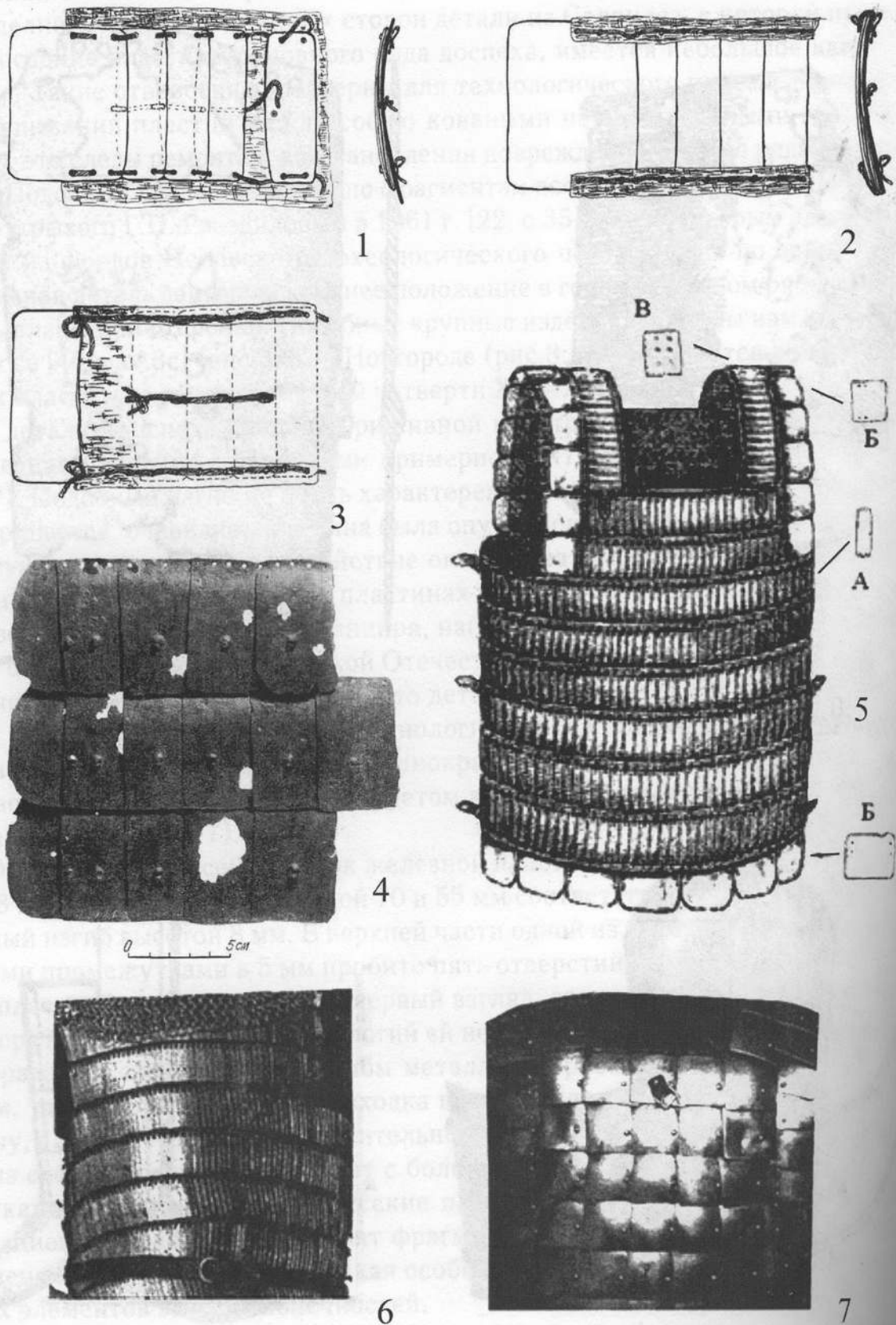

Рис. 6. Схемы скрепления пластин доспехов, покроя нагрудной части ламеллярного панциря, реконструкции. 1 – система скрепления пластин при помощи текстильной подосновы; 2 – вид фрагмента доспеха снаружи с обкладками по краям из выступающей текстильной полосы; 3 – вид фрагмента доспеха изнутри; 4 – ряды клепано-пришивного доспеха середины XIV в., с усадьбы посадника Онцифора Лукича. Новгород [28, рис. 19, 1]; 5 – схема ламеллярного панциря [26, рис. 8, 2]; 6 – вариант соединения пластин типа «А» ламеллярного панциря. Материальная реконструкция (автор – А.Г. Плеханов); 7 – вариант соединения крупных квадратных пластин в клепано-пришивном доспехе. Материальная реконструкция (автор – Ю.В. Логвинов).

навязывания на кожаную подоснову имевшую вид краги (рис.5: 3) [43, с.371, 374, 382]. В данном случае отверстия, идущие по краю створок, использовались для продевания ремешка, фиксирующего детали наруча или предназначались для прикрепления боевой рукавицы [27, с.186–187] (рис.5: 4). Также вполне вероятно соединение составных частей защиты рук при помощи вставок из кольчужного полотна, как на паре позднесредневековых образцов из коллекции Гутовского [18, с.139, рис.13].

Из других предметов вооружения и защитного снаряжения на территории замка Селпилс были найдены копья, наконечники арбалетных болтов, перекрестья мечей, пластины западноевропейских доспехов – бригандин, а также наконечники ножен меча и кинжала [53, 1.72–75].

Процесс проникновения на территорию Ливонии предметов защитного снаряжения древнерусских типов подробно не исследовался; по всей видимости, он был весьма сложным и разносторонним. Вероятно, значительную роль играл торговый путь по реке Даугава, именно на его трассе расположены все укрепленные поселения, где были обнаружены фрагменты доспехов, описанные выше. Замки Альтене, Селпилс, Локстене находились в тылу территории Ливонского ордена. Военные столкновения с войсками новгородцев и псковичей проходили в основном на землях современной Эстонии и в пределах самой Северо-Западной Руси. Только на замок Локстене совершали набеги литовцы в 1379–1380 гг. Исходя из данных обстоятельств, возможно предположить, что часть предметов защитного снаряжения, характерных для Древней Руси, фрагменты которых были найдены на территории этих крепостей, могли являться не трофеями, а предметами торговых сделок. Основной целью этих операций могло быть пополнение замковых арсеналов и дополнительное обеспечение гарнизонов укрепленных пунктов доспехами. В конце XIV – начале XV вв. Новгород Великий и Псков, на территории которых найдено большинство фрагментов защитного снаряжения, аналогичных находкам из ливонских замков, описанным выше, были крупнейшими городами Северо-Западной Руси, чья экономика во многом была основана на международной торговле. Новгород входил в Ганзейский союз, на его территории были немецкий и готский (готландский) торговые дворы [37, с.122–123]. Товарооборот обоих древнерусских городов со странами Западной Европы был весьма велик, о чем свидетельствуют находки вещей соответствующих типов и рейнской керамики [4, с.46; 38, с.181–205, рис.33–37]. Возможно, были попытки торговать оружием и доспехами. Вероятно, в данном процессе могли принимать участие выходцы с о. Готланд, где был найден ламеллярный доспех, собранный из пластин, похожих на находки из замка Альтене. Примечательно, что при раскопках на территории этого ливонского укрепления обнаружена пластина европейской бригандины, которая имеет прямые аналогии, как среди находок из братских могил у стен г. Висбю, так и в Новгороде Великом [28, с.174, рис.16: 8; 48, рис.24: 8]. С территории о. Готланд доспехи, происходящие из Руси, возможно, могли попадать в низовья р. Даугавы и далее в замки Альтене, Селпилс и Локстене и другие укрепленные пункты на территории Прибалтики. Интересно, что именно во второй половине XIV – первой половине XV вв. в новгородской торговле большое значение приобретают лифляндские города, в частности Рига [37, с.129].

Однако, ни в коем случае нельзя исключить того, что защитное снаряжение, фрагменты которого найдены в замках Альтене, Селпилс и Локстене были трофеями, взятыми после сражений с русскими или литовскими войсками, которые продолжали использоваться на территории Прибалтики. В частности, таким трофеем вполне мог являться доспех, фрагмент которого был найден в Локстене, на который делали набеги литовские князья. С другой стороны, деталь, обнаруженная при раскопках этого

замка, возможно, представляет собой свидетельство активных боевых действий, развернувшихся там в 1379–1380 гг. Можно предположить, что торговля оружием и доспехами между литовцами и ливонскими немцами была не очень активной, поскольку обе воюющие стороны часто испытывали недостаток в хорошем вооружении и не стремились продавать его [2, с.63–69]. Находясь с Орденом в беспрестанном военном противостоянии, литовские воины использовали традиционные древнерусские типы пластинчатых панцирей, аналогичные найденным в Новгороде и Пскове [46, р.210, 213–214]. В таком случае, некоторая часть подобных доспехов действительно могла поступать в замки Ордена в качестве трофеев из Литвы. Часть вооружения могла происходить из Пскова, стоящего на границе орденских земель и через территорию современной Эстонии проникать на берега Даугавы.

Весьма вероятно, что защитное снаряжение древнерусских типов, не очень характерное для западноевропейского комплекса вооружения, хранилось в арсеналах ливонских замков и выдавалось во время проведения активных военных кампаний. Такие оружейные собрания, комплектовавшиеся из разнообразных источников, могли включать в себя разноэтничные элементы и части доспехов, что отмечено в орденских инвентарных книгах рубежа XIV–XV вв. [52, с.65–67]. Возможно, именно так объясняется весьма «пестрый» состав находок фрагментов защитного снаряжения из раскопок замков Альтене и Селпилс, включавший в себя части западноевропейских бригандин, детали от ламеллярных и клепано-пришивных доспехов, фрагмент створчатых наручей и шлем, вероятно, восходящий к древнерусским образцам.

В рамках данной публикации мы не будем подробно рассматривать еще один из возможных вариантов появления подобных пластинчатых доспехов на берегах Даугавы, а именно, их местное производство. Данная тема нуждается в отдельном тщательном исследовании. Стоит отметить, что детали панциря ламеллярной конструкции типа А из замка Альтене имеют плавное «фасонное» закругление одной длинной стороны и по два отверстия, располагающихся на коротких сторонах, что ранее никогда не встречалось на подобных изделиях. Такие детали с оригинальным оформлением действительно могли быть произведены местными мастерами по образцу древнерусских изделий. Вместе с тем недостаточность конкретных данных о мастерских второй половины XIV – первой половины XV вв., где могли изготавливаться подобные панцири на территории современной Латвии, делают данную версию пока недостаточно аргументированной. При раскопках средневековых крупных торгово-ремесленных поселений латгалов, селов, земгалов и куршей были найдены производственные комплексы по обработке черных и цветных металлов, относящиеся к более раннему времени; широко известно оружие местного производства весьма высокого качества [44, с.21–29]. Однако, явных следов изготовления или ремонта ламеллярных и клепано-пришивных доспехов на данной территории до сих пор не было выявлено. Некоторые находки пластин древнерусских типов, описанных выше, фрагментированные и имеющие деформации действительно могут являться свидетельствами ремонтных и слесарно-сборочных работ с подобными предметами защитного снаряжения, которые выполняли местные оружейники. В гарнизонах замков Альтене и Селпилс, где большую часть составляли немцы, также могла иметь место переделка древнерусских пластинчатых панцирей и приведение их в соответствие с европейской модой того времени. В частности, это могло быть покрытие доспехов снаружи тканью, на что могут указать крупные отверстия в центральной части некоторых пластин из замка Альтене (рис.2: 6; 2: 7). Судя по наличию крупных частых отверстий с заклепками, пробитых в рядах панцирных пластин, подобным образом мог быть изменен ламеллярный панцирь, найденный при раскопках братских могил

в г. Висбю на о. Готланд [54, рл.145]. Скорее всего, на территории орденских замков располагались мастерские по ремонту доспехов и иного военного снаряжения, а также кузницы, о чем могут свидетельствовать находки железного лома, сырья и различных неоконченных металлических изделий.

По мнению А. Антейна, начиная с 30-х гг. XIII в. изготовление высококачественных железных изделий на территории современной Латвии постепенно переходит в руки немецких мастеров [45, 1.80–81]. Производство сосредотачивается в крупных городах Прибалтики, количество кузнецов в небольших поселениях и замках было невелико [45, 1.84]. Крупнейшим центром ремесла была Рига, где с XIV в. известен цех бронников, изготавливающих защитное снаряжение [45, 1.82–84]. Однако, вероятнее всего, немецкие мастера, входившие в эту корпорацию, производили доспехи западноевропейских образцов.

Таким образом, при исследовании фрагментов доспехов древнерусских типов второй половины XIV – первой половины XV вв. из ливонских замков на берегах Даугавы можно наметить один из вариантов пути взаимовлияния Востока и Запада в сфере военного дела и защитного снаряжения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдусин Д.А. Возникновение Смоленска. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1957. – 56 с.
2. Аранович А.В., Панкратов А.Г. К вопросу о вооружении и производстве оружия на территории Киевского княжества в XIV – середине XV вв. Руси // КЛИО. № 10 (118). СПб.: ООО Полторак, 2016. – С. 63–69.
3. Арциховский А.В. Русское оружие X–XIII вв. // Доклады и сообщения исторического факультета Москов. ордена Ленина гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. Вып. 4. М.: МГУС, 1946. – С. 3–17.
4. Белецкий С.В. Раскопки Псковского городища в 1977–1978 гг. // Древнерусские города. М.: Наука, 1981. – С. 40–62.
5. Бессуднова М.Б. К вопросу о торговле Пскова с Дерптом в 90-х гг. XV в. по ливонским источникам // Археология и история Пскова и Псковской земли. № 25 (55). Псков: ГППО Дом печати, 2010. – С. 70–79.
6. Бохан Ю.М. Баявыя нагадоў'і ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI стагодзя // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 10. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 1996. – С.89–111.
7. Бохан Ю.М. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. Мінск: Беларуская навука, 2008. – 463 с.
8. Бугис П. Находка панцирных пластин на территории великокняжеского замка исторического Вильно // Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М.: Квадрига, 2008. – С. 118–124.
9. Голубева Л.А. Квартал металлургов в Вышгороде // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. – С. 25–33.
10. Горелик М.В. Шлемы Золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. Т. 8. Сборник научных работ. Донецк: ДонНУ, 2010. – С. 253–269.
11. Греков А.П. Фрески церкви Спаса-Преображения на Ковалево. М.: Искусство, 1987. – 96 с.
12. Грибов Н.Н. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI вв. М.: Наука, 2008. – С. 253–264.
13. Дук Д.У. Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 21. Мінск: Беларуская навука, 2011. – С.30–60.

14. Жуков К.А. Коровкин Д.С. Западноевропейский доспех раннего Ренессанса. СПб.: СПГУТД, 2005. – 100 с.
15. Загорюльский Э.М. Возникновение Минска. Минск: Издательство БГУ им В.И. Ленина, 1982. – 358 с.
16. Закурина Т.Ю. Железообрабатывающее ремесло Пскова (X–XVII вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.06. археология. Псков, 2000. – 371 с.
17. Иншаков А.А., Иншакова А.В. Комплекс вооружения служилого человека второй половины XIV – начала XV вв. Елецкого княжества // На степном пограничье: Верхний Дон в истории средневековой России. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 32–45.
18. Каменский А.Н., Кулешов Ю.А. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. № 3. М.; Тула; Куликово поле: МедиаМир, 2014. – С. 147–183.
19. Кильдюшевский В.И. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: Вести, 1999. – С. 63–79.
20. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археол. источников в 3-х т. Вып. 2. Л.: Наука, 1966. – 191 с.
21. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археол. источников в 3-х т. Вып. 3. Л.: Наука, 1971. – 292 с.
22. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. – 135 с.
23. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: Из-во АН СССР, 1953. – 257 с.
24. Кулешов Ю.А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. № 3. Казань: Фэн АНРТ, 2010. – С. 73–97.
25. Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 540 с.
26. Лупиненко Ю.М. Чешуйчатый доспех восточнославянского ратника XII–XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 15. Мінск: Беларуская навука, 2008. – С. 140–154.
27. Лупиненко Ю.М., Макушников О.А. Створчатые наручи первой половины XIII в. из летописного Гомия // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. № 3. М.; Тула; Куликово поле: МедиаМир, 2014. – С. 184–190.
28. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. М.: Из-во АН СССР, 1959. – С. 121–191.
29. Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. № 4. М.: Из-во АН СССР, 1959. – С. 119–134.
30. Миролубов М.А. Кузнечные изделия древнего Изяслава из собрания Государственного Эрмитажа // У истоков русской культуры XII–XVII века. СПб.: Славия, 1995. – С. 33–40.
31. Молчановский Ф.Н. Обработка металла на Украине в XII–XIII вв. по материалам Райковецкого городища // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 5. Л.: ОГИЗ, 1934. – С. 83–93.
32. Петров М.И. Военное дело в древнерусской сфрагистике // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М.: Памятники ист. мысли, 2009. – С. 664–654.
33. Плавінскі М.А. Засцерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі. // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 16. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2001. – С. 138–150.
34. Плавінскі М.А. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў. Мінск: Галіяфы, 2013. – 106 с.

35. Слово о плъку Игоревъ, Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова // Повести Древней Руси XI–XII веков. Л.: Лениздат, 1983. – С. 378–411.
36. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.: Из-во АН СССР, 1948. – 802 с.
37. Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: Из-во Московского Университета, 1978. – 170 с.
38. Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 320 с.
39. Салмин С.А. Детали доспехов из раскопок в Пскове (элементы защитного вооружения западноевропейского круга) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 54-го заседания. Псков: ГППО Дом печати, 2009. – С. 37–41.
40. Салмин С.А. Комплекс вооружения XVI–XVII вв. из раскопок Окольного города Пскова // Культура русских в археологических исследованиях. Сборник научных статей. Омск: Издательский дом «Наука», 2017. – С. 296–303.
41. Тарабардина О.А. Дендрохронология и археологическое изучение Ярославова Дворища в Новгороде // Археология и история Пскова и Псковской Земли. Материалы 60-го заседания. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 177–189.
42. Фоняков Д.И., Малевская М.В. Древний Торопец. Т. 2. Торопец: ИИМК РАН, 2000. – 114 с.
43. Шиндлер О.В. Защита рук и ног, щиты и другие «необязательные по уложению» русские доспехи XVI века. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Т. VI. 2015. – С. 352–403. URL: http://www.milhist.info/2015/04/3018/schindler_1 (дата обращения 30.04.2015).
44. Anteins A. Dzelzs un tērauda izstrādājumu struktūras, īpašības un izgatavošanas tehnoloģija senajā Latvijā (lidz 13. gs) // Arheoloģija un etnogrāfija. Rakstu krājums. T. II. Rīga: Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas izdevniecība, 1960. – L. 3–60.
45. Anteins A. Melnais metāls Latvijā. Rīga: Zinātne, 1976. – 211 lpp.
46. Bugys P. Žvyninių šarvų plokštelės Vilniaus pilių teritorijoje // Lietuvos archeologija. T. 37. Vilnius: Lietuvos archeologijos draugija, Lietuvos istorijos inst., Klaipėdos univ., 2011. – P. 207–216.
47. Bugys P. Šarvuotė lietuvis didžiojoje kunigaikštystėje XIII a. antroje pusėje – XVI a. viduryje (archeologijos duomenimis). Daktaro disertacija. Humanitariniai mokslai, istorija (05 H). Vilnius. 2014. – 272 psl.
48. Graudonis J. Altene // Arheoloģija un etnogrāfija. Apcerējumi par viduslaiku pilīm un pilsētām Latvijas teritorijā. T. XIV. Rīga: Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas izdevniecība, 1983. – L. 40–85.
49. Latvijas PSR archeoloģija. Rīga: Zinātne, 1974. – 215 lpp.
50. Mugurēvičs Ē. Oliņkalna un Lokstenes pilsnovadi. 3–15 gs. archeoloģiskie pieminekļi. Rīga: Zinātne, 1977. – 143 lpp.
51. Mugurēvičs Ē. Viduslaiku ciems un pils Salaspils novadā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2008. – 262 lpp.
52. Nowakowski A. Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV I na początku XV w. // Łódź: Acta archeological Lodziensia. Nr. 29, 1980. – 159 s.
53. Šnore E., Zariņa A. Senā Sēlpils. Rīga: Izdevniecība Zinatne, 1980. – 236 lpp.
54. Thordeman Bengt. Armor from the battle of Wisby 1361. Vol 2. Plates. Stockholm: Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1939. – 145 ps.
55. Thordeman Bengt. Rustningarra i Kalevala // Fornvännen. Journal of Swedish antiquarian research. №35. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1940. – S. 173–186.
56. Wasiaś Wojciech. Identyfikacja średniowiecznych przedstawień ikonograficznych z realnymi egzemplarzami broni, na przykładzie wyobrażenia helmu typu pekilhube z kosciola w Strzelnikach kolo Brzegu. // Broń i wojna w dziejach człowieka. Łódź: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 2009. – S. 117–131.

ИИМК РАН,
г. Санкт-Петербург,
СПБГУПТД,
г. Санкт-Петербург

P.A. Milyaev, A.G. Pankratov

**Parts of Body Armor of Old Russian Types Dated by the End of the XIV–
the Beginning of the XV Centuries Found in Latvian Order Castles**

The article represents parts of body armor of Old Russian types found in castles Altene, Lokstene and Selpils in the territory of modern Latvia (parts of plate lamellar cuirasses and arm protectors). Unique for Latvian territory helm probably related to Old Russian examples was found in Altene Castle. All findings were dated by the second part of the XIV - the first part of the XV centuries. Such armament parts could have been brought to Daugava River banks as trophy of war kept in Order arsenals or as commercial objects.

Keywords: *Latvia, Livonia, Order castles, castle arsenals, armament, plate armor, XIV–XV centuries, East and West.*